

ственные силы; но рискуя навлечь на себя ихъ порицанія, мы, въ собственныхъ ихъ интересахъ, не рѣшаемся скрыть

ПУТѢЗДКА ВЪ САМАРКАНДѢ.

Отъѣздъ изъ Ташкента. — Отъ Ташкента до Ходжента. — Зачирчикскій Край. — Туземный экипажъ (арба) и его несомнѣнные достоинства. — Переправа черезъ Сыр-Дарью. — Городъ Ходжентъ и его достопримѣчательности. — Отъ Ходжента до Ура-Тюбе. — Ура-Тюбе. — Дороги отъ Ура-Тюбе до Джзакъ. — Очеркъ сельскаго хозяйства въ Средней Азій. — Средства продовольствія у туземцовъ. — Среднеазиатская деревня. — Джзакъ. — Отъ Джзакъ до Самарканда. — Желин-утинское ущелье. — Міанкальская долина. — Чепан-атинскія высоты. — Туземная игра въ кок-бари. — Общій видъ Самарканда. — Предметы торговли. — Русскіе въ Самаркандѣ.

Быть въ Средней Азій и не видѣть Самарканда — все равно, что быть въ Римѣ и не видѣть папы. Но какъ легко видѣть папу, находясь въ Римѣ, такъ не легко видѣть Самаркандъ, находясь, положимъ, хотъ въ Ташкентѣ. Однако, всѣмъ извѣстенъ афоризмъ, что чѣмъ труднѣе достиженіе цѣли, тѣмъ она заманчивѣе. Неопредѣленные, смутныя представленія, составленные еще въ дѣтствѣ о тимуровой столицѣ, откуда грозный завоеватель колебалъ полміра, желаніе видѣть центръ исламитской мудрости и цивилизаціи, какимъ является Самаркандъ въ настоящее время, разнорѣчивыя свидѣтельства и показанія о священномъ мусульманскомъ городѣ людей, тамъ бывавшихъ и еще больше разжигавшихъ мое любопытство — все это съ неудержимою силою влекло меня туда. Наконецъ, счастливый и довольный, подобно мусульманину, отправляющемуся въ Мекку, я, въ началѣ ноября, выѣхалъ изъ Ташкента, по почтовой дорогѣ, на Ходжентъ. Переправившись съ трудомъ, верстахъ въ 10-ти отъ Ташкента, черезъ нѣсколько рукавовъ быстрого Чирчика, я въѣхалъ въ болотное дефиле, тянущееся верстъ 20, мѣстами разступающееся и образующее поляны, занятая рисовыми плантаціями. Путь этотъ вплоть до Той-Тюбе, уѣзднаго города Кураминскаго Уѣзда, изрѣзанъ арыками (оросительными канавами), черезъ которыя, однако, проложены воздушные мостики. Въ дождливое время года дорога эта дѣлается въ высшей степени грязною и почти непроходимую. Пересѣчный характеръ мѣстности продолжается еще верстъ на 40 до предгорій высокаго каменистаго хребта Курама-тау. Все это пространство весьма населено и составляетъ такъ-называемый Зачирчикскій Край, по сво-

тѣемъ въ исторіи славянства, благотворныя послѣдствія котораго сознаются те-

ему хлѣбородію, справедливо называемый житницею Ташкента и всей Сыр-Дарьинской Области. Кишлаки (деревни) съ обработанными полями идутъ непрерывною полосой вдоль по теченію почти параллельныхъ рѣкъ Чирчика, Ангrena и Каджигена, впадающихъ въ Сыр-Дарью. Наилучшій способъ путешествія въ этомъ краѣ есть туземная арба, въ чемъ мнѣ пришлось удостовѣриться собственнымъ опытомъ, потому что на второй же станціи отъ Ташкента лошади разнесли мой тарантасикъ, и я, спасшійся какимъ-то чудомъ, волей-неволей, долженъ былъ пересѣсть на двухколесную телегу, напоминающую фараонову колесницу. Сначала я подступалъ къ ней съ недоувѣріемъ, но потомъ такъ освоился и привыкъ къ ней, что считаю долгомъ сказать о ней нѣсколько похвальныхъ словъ. Экипажъ этотъ безподобно приспособленъ къ среднеазиатскимъ дорогамъ: высокія колеса его (сажень и болѣе въ діаметрѣ) и широкій ходъ дѣлаютъ то, что, во первыхъ, арба удобно преодолеваетъ арыки, встрѣчающіеся на каждомъ шагу и употребляемые для орошенія полей, садовъ и огородовъ; во вторыхъ, не вязнетъ въ грязи, которая въ Средней Азій весьма обильна въ теченіи всѣхъ зимнихъ мѣсяцовъ; въ третьихъ, устойчива при переправахъ черезъ быстрыя горныя рѣки, въ которыхъ русскіе экипажи опрокидываются, и въ четвертыхъ, устойчива при переѣздѣ по косягорамъ, рывинамъ и выбоинамъ, также весьма часто попадающимся при неустойчивости и, можно сказать, первобытности азиатскихъ дорогъ. Возница обыкновенно садится верхомъ на коренной лошади и упирается ногами въ оглобли, чѣмъ устраняется подыманіе лошади вверхъ.

Послѣ перевала черезъ предгорья Курама-тау, дорога становится положительно хорошою во всякое время года, потому что песчано-каменистый грунтъ образуетъ родъ естественнаго шоссе. Зато дорога пролегаетъ по мѣстности совершенно незаселенной; съ лѣвой стороны ее сопровождаетъ каменистый хребетъ Курама-тау, а съ правой тянутся пустыри, поросшіе бурьяномъ. Верстахъ въ 20-ти отъ Ходжента, дорога проходитъ черезъ ущелье и, затѣмъ, огибаетъ также каменистый хребетъ Могол-тау, тянущійся съ правой стороны и подходящій къ самому Сыру. Переправа черезъ Сыръ у Ходжента происходитъ на казенномъ, отдаваемомъ съ торговъ, паромѣ, причомъ паромъ вдоль бе-

медленнаго усвоенія его, въ настоящее время, непреодолимымъ препятствіемъ слу-

рега тащатъ люди, а въ самой рѣкѣ лошади, которыя плывутъ, усердно подгоняемыя нагайками. Вообще, на этой переправѣ возни много и одинаково много достается какъ людямъ, такъ и лошадямъ. На противоположномъ, лѣвомъ берегу, примыкая къ самому берегу, весь потонувшій въ садахъ, лежитъ Ходжентъ.

Ходжентъ — одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Средней Азіи. Находясь на перепутьи четырехъ дорогъ: въ Ташкентъ, Коканъ, Самаркандъ и Балхъ, онъ имѣлъ всѣ данныя для своего развитія. Эта выгода центральнаго положенія еще искони привлекала сюда жителей Ходжента, такъ что время основанія его теряется въ самой глубокой древности. Преданіе современниковъ постройки города приписываетъ даже старшей дочери Адама, называвшейся Ходженда и давшей, вмѣстѣ съ тѣмъ, городу и свое имя. О глубокой древности Ходжента свидѣлствуютъ также многочисленныя слѣды построекъ, находимыхъ въ окрестностяхъ города, совершенно занесенныхъ землею и случайно раскапываемыхъ. Думаютъ, что здѣсь была нѣкогда греческая колонія, основанная Александромъ Македонскимъ. Здѣсь сохранилось также множество преданій о первыхъ временахъ мусульманства. Верстахъ въ пяти отъ города, за Дарьей, въ предгоріяхъ Могол-тау, показываютъ огромное дерево (изъ породы сауровъ), къ которому Али, зять Мохамеда, будто бы, привязывалъ свою бѣлую лошадь, полученную имъ въ наслѣдство отъ пророка. Рассказываютъ также, что лошадь эта часто бѣгала въ горы Могол-тау, которыя были покрыты тогда густою и сочною зеленью. Али, принужденный постоянно отыскивать свою лошадь, просилъ Бога, чтобъ онъ отучилъ ее удалаться и избавилъ его отъ поисковъ. Богъ выслушалъ молитвы зятя пророка, и вотъ однажды произошло землетрясеніе, вслѣдствіе котораго поверхность горъ перевернулась травой внизъ, а камнемъ вверхъ. Съ тѣхъ поръ Могол-тау представляется въ видѣ бурныхъ каменныхъ массъ, чуждыхъ всякой растительности. Въ этомъ преданіи очевиденъ намѣкъ на геологическую катаклизму, весьма возможную въ этомъ краѣ, стоящемъ на вулканической почвѣ. Могол-тау имѣетъ до 4,000 футовъ надъ уровнемъ моря, и точно неприступною стѣною защищаетъ Ходжентъ съ сѣвера. Съ южной стороны, верстахъ въ 75, тянется гораздо болѣе

болѣе вѣроятными въ глазахъ публики. Не касаясь, до времени, разбора и оцѣнки сооб-

высокій, снѣговой хребетъ, дѣлающій климатъ въ Ходжентѣ не жаркимъ, несмотря на довольно южное положеніе города. Сверхъ того, городъ имѣетъ еще значительное возвышеніе надъ поверхностью моря, именно до 700 ф.

Красоту города составляютъ исключительно его сады; въ остальномъ онъ сходствуетъ со всѣми другими азіатскими городами. Грязи на улицахъ, правда, нѣсколько меньше, потому что грунтъ каменистый. Сколько-нибудь замѣчательныхъ зданій не имѣется: есть двѣ-три медресе, сложенные изъ жженого кирпича; мечеть съ мазаромъ (гробницею) въ честь Шейх-уль-Маслях-Эддина, мечети Товбаба-ханъ и Хазрети-баба также съ мазарами, сооруженными лѣтъ за 650 назадъ, интересны только для правовѣрныхъ, по святости лицъ, въ мазарахъ погребенныхъ.

Въ городѣ два базара: большой и малый. Въ базарные дни стеченіе народа изъ окрестностей огромное, но торговля не очень значительна: Ходжентъ, это какъ бы только перепутье для каравановъ, слѣдующихъ изъ разныхъ концовъ Азіи. Сыр-Дарья нисколько не содѣйствовала процвѣтанію города, какъ и вообще всѣ рѣки въ Азіи, которыя для азіатцевъ служили скорѣе помѣхою торговлѣ, нежели благопріятствующимъ средствомъ. Да и самый городъ Ходжентъ примкнулъ къ Дарьѣ только сравнительно въ недавнее время: прежде онъ находился въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ рѣки. Замѣчательность города составляетъ однообразіе населенія, не встрѣчающееся въ другихъ средне-азіатскихъ городахъ, а именно, основу составляютъ таджики, затѣмъ, побѣдители — узбеки. Евреевъ весьма мало. Сравнительно, большая чистота населенія способствовала къ поддержанію въ немъ духа самостоятельности и независимости, съ которыми ходжентцы отстраняли отъ себя чужеземное вмѣшательство. Русское населеніе живетъ здѣсь отдѣльною слободкою, которая выходитъ на самую Дарью, и хотя всего только два года прошло съ того времени, какъ русскіе поселились здѣсь, однако, успѣли довольно. Выстроены двѣ значительныя фабрики (шелководная) и одинъ заводъ; а въ окрестностяхъ, въ горахъ, найдено множество минеральныхъ богатствъ, которыя уже начали разрабатываться и, нѣтъ сомнѣнія, современемъ дадутъ обильную жатву.

Не-сти на сеймъ представительство отъ крестъ-об-янскаго сословія; каждый приходъ долженъ

Изъ Ходжента почтовая дорога перемѣня-етъ свое направленіе, круто поворачивая къ западу, и до крѣпостцы Нау (верстахъ въ 25-ти отъ Ходжента) идетъ вдоль лѣваго берега Сыр-Дарьи. Мѣстечко Нау замѣчательно тѣмъ, что жители его занимаются въ обшир-ныхъ размѣрахъ обработкою рисовыхъ план-тацій. Значительный городокъ Ура-Тюбе, от-стоящій отъ Нау въ 40-хъ верстахъ, есть по-слѣдній пунктъ, до котораго устроено нами почтовое сообщеніе. Отсюда, хотя и можно еще съ грѣхомъ пополамъ проѣхать на поч-товыхъ лошадяхъ въ одну упряжку до малень-кой крѣпостцы Заamina (57 верстъ), но го-раздо благоразумнѣе нанимать здѣсь постоян-наго возничаго, который и доставитъ вашу особу уже прямо въ Самаркандъ. Но такъ какъ изъ Ура-Тюбе до Самарканда ра-нѣе, какъ на четвертые сутки, доѣхать нельзя, то есть еще достаточно времени для ознакомленія, какъ съ Ура-Тюбе, такъ и съ краемъ, по которому ѣхать придется. Ура-Тюбе имѣетъ до 4,000 жителей, весьма растянута и расположена въ живописной мѣстности. Съ юга, верстахъ въ 45-ти, тянется громадный снѣговой хребетъ, называемый у туземцовъ Чунхор-хана, а на картахъ Каш-гар-Даванскимъ, терасообразно спускающій-ся до самаго города. Городъ лежитъ у входа въ Басмандинское ущелье и окруженъ со всѣхъ сторонъ холмами. На одномъ изъ нихъ выстроена бухарцами цитадель, которая въ другихъ рукахъ была бы совершенно недо-ступною. Бухарцы же покинули ее, лишь только русскіе взяли крѣпостную ограду и вступили въ городъ. Посреди города проте-каетъ не глубокий горный ручей, замѣчатель-ный тѣмъ, что временами (лѣтомъ и весною) сильно разливается и сноситъ городскія по-стройки; такъ, въ послѣднюю весну было снесено двадцать-четыре лавки. Но это, ка-жется, мало беспокоитъ жителей, потому что никакихъ приспособленій для отвращенія бѣды они не дѣлаютъ: вѣроятно, ожидаютъ и въ этомъ дѣлѣ начинанія со стороны рус-скихъ.

Базаръ бываетъ два раза въ недѣлю (по средамъ и по воскресеньямъ); народъ сте-кается въ огромномъ числѣ и даже изъ мѣст-ностей отъ насъ независимыхъ, какъ-то: изъ Мочи, Каратеина, Урмитана и др. горо-довъ. Городъ этотъ назывался и называется иногда Ора-Тепе, что въ переводѣ съ тузем-наго означаетъ *разбойничьи холмы*. Названіе

1865 года и пересмотрѣннаго въ Вѣнѣ 9-го (21-го) іюля 1868 года, къ употребленію въ

это произошло вслѣдствіе независимаго ха-рактера жителей, горная родина которыхъ позволяла парировать удары сосѣднихъ ханствъ, бухарскаго и коканскаго, и только иногда номинально признававшихъ власть того или другого, но на дѣлѣ всегда оста-вавшихся непокорными и вѣчно враждебны-ми. Ура-Тюбе городъ весьма древній, о чемъ можно судить по историческимъ памятни-камъ, хотя и не многочисленнымъ, которыхъ всего только два, именно: мечеть, построен-ная, какъ говоритъ преданіе, по приказанію Тимура, и медресе, выстроенное лѣтъ за три-ста назадъ. Оба памятника уже на половину развалились, но, тѣмъ не менѣе, въ нихъ жи-вуть еще муллы.

Положеніе этого пункта надъ поверхностью моря весьма значительно, такъ что, хотя го-родъ лежитъ почти на одной паралели съ Ход-жентомъ, но фрукты созрѣваютъ въ немъ двумя недѣлями позже; а вслѣдствіе близости снѣгового хребта, климатъ вообще весьма умѣ-ренный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, здоровый. Хлѣ-бопашество и огородничество сильно разви-ты. По преимуществу засѣвается пшеница и ячмень. На лѣто жители оставляютъ городъ и переселяются въ сады, тянущіеся верстъ на пятнадцать. Русское населеніе здѣсь со-стоитъ изъ одного гарнизона, и торговли русской пока не существуетъ вовсе.

Отъ Ура-Тюбе до Джзака существуютъ двѣ дороги: одна официальная, около 112-ти верстъ, на крѣпостцу Зааминъ, другая отдѣляется отъ первой верстахъ въ 35-ти и идетъ на мѣстечко Ямъ. Эта послѣдняя дорога прямѣе, ровнѣе и лучше, но зато проходить по мѣ-стамъ незаселеннымъ. Первая же, напро-тивъ, идетъ, по большей части, вдоль холми-стой гряды, за которою высится громадный, почти круглый годъ покрытый снѣгомъ хре-бетъ. У подошвы и на скатахъ холмовъ, вер-стахъ въ 2—3-хъ, влѣво отъ дороги, разсыпа-ны кишлаки. Мѣстность по сторонамъ доро-ги довольно хорошо воздѣлана и обработана. Во время моего проѣзда (въ половинѣ ноября) населеніе занималось запашкою и посѣвомъ озимаго хлѣба. Дни стояли еще до того жар-кіе, что рабочіе въ полѣ снимали съ себя ру-башки; но зато ночи и особенно утра были въ такой степени холодны, что я долженъ былъ одѣваться во весь запасъ зимняго платья.

На всемъ пространствѣ отъ Ташкента до Самарканда, какъ и вообще во всей Средней

Азіи, сельское хозяйство ведется одинаково. Землю пахутъ паромъ быковъ, для которыхъ ярмомъ служить длинное бревно (саж. 1¹/₂), съ веревками на концахъ. Бревно кладется на шею быкамъ и привязывается веревками; затѣмъ, къ бревну привязывается, болѣе или менѣе, длинная клюка, съ желѣзнымъ наконечникомъ, въ родѣ великорусской сохи, и изображающая плугъ. Бороненіе производится легкою деревянною бороною, на которую становится самъ погонщикъ, и въ которую впрягается лошадь или быкъ.

Недостатокъ разрыхленія почвы пополняется пригаціею полей, что весьма усложняетъ хлѣбопашество и служитъ причиною недостаточности его развитія, такъ что жители всей Средней Азіи болѣе предпочитаютъ заниматься садоводствомъ и огородничествомъ. Плоды (и по преимуществу дыни и арбузы) служатъ здѣшнему населенію пропитаніемъ въ продолженіи паводковой части года. Въмѣсто хлѣба жители употребляютъ пшеничныя лепешки, въ различныхъ мѣстахъ различающіяся только величиною діаметра. Изъ рису готовится любимое кушанье туземцевъ—пилавъ (палау), который ежедневно могутъ ѣсть одни богатые; бѣдные же только по праздникамъ. Баранина, служащая всегда приправою къ пилаву (куда кладется еще и морковь), но употребляемая и на шашлыкъ (жареное на вертелѣ), также составляетъ роскошь, рѣдко позволяемую простонародьемъ. Вообще на сколько азіатцы замѣчательно мало ѣдятъ, на столько они замѣчательно много пьютъ, и зеленый чай (чрезвычайно возбуждательнаго свойства) расходится у нихъ въ громадномъ количествѣ. Изъ хмѣльных напитковъ, бузу (отваръ проса) и слегка охмѣляющій кумысъ (перебродившее кобылье молоко) употребляютъ въ небольшомъ количествѣ. До бузы и кумыса страшные охотники киргизы. Отсюда читатель видитъ, какъ неприхотлива и неразнообразна кухня среднеазіатцевъ. Изъ злаковъ заѣмается ими только четыре рода, а именно: пшеница, рисъ, просо (почти исключительное пропитаніе кочевниковъ) и ячмень. Ячмень употребляется больше для корма лошадей, замѣняя нашъ овесъ; южнѣе же Сыр-Дарьи и Заръавшана, вмѣсто ячменя, заѣмается джугара.

Молотбы въ Средней Азіи не существуетъ, а для отдѣленія зерна отъ стебля разбрасываютъ злаки по землѣ и, сѣвъ верхомъ на верблюда, лошадь, или корову, топчутъ ихъ. Храненіе зеренъ производится въ довольно глубокихъ колодцахъ, вырываемыхъ возлѣ кишлаковъ: насыпавъ зерна въ колодцы, по-

крываютъ ихъ соломой и потомъ землею. Вѣтряныхъ мельницъ нѣтъ вовсе, а употребляются водяные, въ родѣ хлѣвчиковъ. Колесо составляютъ четыре досочки, придѣланныя крестообразно (попарно) къ горизонтальной оси. Къ оси придѣлываются, кромѣ привода къ жернову, еще двѣ ступы, такъ что водяная мельница, въ то же самое время, и толчетъ для проса.

Солома, служащая для корма скота, высокими стогами скидывается на плоскія крыши саклей, такъ что кишлакъ походить съ виду на задворки и загонъ для скота въ нашихъ селеніяхъ. Внѣшній видъ среднеазіатской деревушки въ высшей степени грустный и непривлекательный: здѣсь домики не глядятъ на васъ привѣтливо своими окнами и не манятъ гостепріимно въ свои двери. Въмѣсто воротъ, здѣсь пробивается въ глиняной стѣнѣ маленькая лазейка, сквозь которую чуть не ползкомъ проходятъ во внутренность двора и, затѣмъ, въ хлѣва, именуемые домами (саклями). Отсутствіе печей, оконъ и мебели (которыхъ не существуетъ даже во дворцахъ хановъ) дѣлаетъ сходство саклей съ хлѣвомъ поразительнымъ. Сакля отличается отъ хлѣва только тѣмъ, что на землѣ въ ней растилается войлокъ. Грязь и бѣдность обстановки въ жилищѣ вполне объясняетъ причину многихъ нахожныхъ болѣзней, составляющихъ отличительную принадлежность среднеазіатцевъ и жестоко преслѣдующихъ ихъ. Рѣдко встрѣтишь лицо, неносящее на себѣ слѣдовъ язвы. Трудно себѣ представить, что было бы съ населеніемъ, еслибъ оно, при грязной своей обстановкѣ, не соблюдало еще предписаннаго пророкомъ частаго ежедневнаго омовенія. Я полагаю даже, что и другія болѣзни, внутреннія, происходятъ отъ валовой неопрятности жителей. Скученность населенія въ нѣкоторыхъ пунктахъ, полное непониманіе въ соблюденіи разныхъ гигиеническихъ условій относительно чистоты воздуха и воды, порождаютъ вредныя міазмы, служащія причиною разныхъ болѣзней.

Въ такомъ положеніи, между прочимъ, находится и Джзакъ, еще недавно бывший важнѣйшею крѣпостію бухарцевъ, запиравшею входъ въ Желан-утинское ущелье. Существуетъ преданіе, что городъ этотъ, по причинѣ многоразличныхъ болѣзней, преслѣдующихъ жителей, еще Тамерланомъ названъ былъ Дузакомъ, т. е. адомъ. Отсюда уже произошло и настоящее его имя. Русскіе, по взятіи Джзака, расположились-было въ бухарской крѣпости; но отравляющее вліяніе

Джзакского воздуха принудило ихъ выселиться версты за три за городъ, прямо къ подошвѣ горъ и ко входу въ ущелье. Образовавшаяся такимъ способомъ русская слободка названа *Ключевымъ*, во первыхъ, отъ ключей, находящихся вблизи, въ горахъ, а во вторыхъ, въ переносномъ смыслѣ, отъ того, что Джзакъ считали ключомъ къ среднеазиатской торговлѣ, когда брали его. Несмотря, однакожь, на важность торговаго положенія Джзака, торговля его весьма ничтожна и, быть можетъ, разовьется только теперь, съ прибытіемъ сюда русскихъ. Замѣчательно, что въ русской слободкѣ большинство лавочекъ принадлежитъ туземцамъ, послѣдовавшимъ сюда за русскими.

Отъ Джзака до Самарканда дорога принимаетъ южное направленіе и идетъ сперва, на протяженіи верстъ 20-ти, по Желан-утинскому ущелью. Ущелье извивается точно змѣя; отсюда и его названіе (Желанъ—значитъ змѣя). Вдоль ущелья проходитъ не быстрый ручей, не быстрый потому, что подошва ущелья довольно ровная и не имѣетъ замѣтной покатости. Дорога по ущелью весьма удобна во всякое время года *). Горы, образующія проходъ, хотя невысоки, но, будучи каменисты, круты; верстахъ въ 12-ти отъ Ключевого, каменные громады сдвигаются весьма близко и образуютъ какъ бы естественныя ворота, носящія названіе Тамерлановыхъ. На правой стѣнѣ высѣчена надпись на арабскомъ языкѣ, а въ лѣвой—обращаетъ на себя вниманіе пещера, кишашая змѣями. Выходъ изъ ущелья замыкался у бухарцовъ и потомъ у насъ крѣпостцею Яны-Курганомъ. Со взятіемъ Самарканда, эта крѣпостца оставлена нами, а взамѣнъ ея устроено укрѣпленіе на Каменномъ Мосту, верстахъ въ 35-ти отсюда и верстахъ въ 37-ми отъ Самарканда.

Мѣстечко Каменный Мостъ (Таш-Купрюкъ) получило свое названіе отъ ничтожнаго моста черезъ глубокой водяной оврагъ, моста, въ которомъ присутствіе камня (т. е. сжогнаго кирпича), даже замѣтить трудно. Расположеніе здѣсь маленькаго русскаго укрѣпленія соображено и выполнено весьма удачно.

Пространство отъ Джзака до Каменнаго Моста и далѣе еще верстъ девять весьма пустынно; мѣстность возвышена и волниста; но, спустясь въ долину рѣки Заръавшана, мѣстность сразу мѣняется: вы идете непрерывною цѣпью садовъ, огородовъ, обработанныхъ полей и деревушекъ, или, правильнѣе, полумызковъ.

*) За исключеніемъ, впрочемъ, періодовъ, когда ручей разливается.

Это и есть та знаменитая долина Міанкаль, которая тянется широкою, почти круглой годъ зеленѣющею лентою, вдоль теченія всего Заръавшана. Надо видѣть этотъ благодатный уголокъ земли, пріобрѣтающій особенную прелесть отъ контраста съ прилегающими къ нему пустынями, чтобъ оцѣнить всю значеніе упомянутой рѣки. Тутъ станетъ совершенно понятно, почему рѣка эта получила свое названіе (Заръавшанъ, въ переводѣ, значитъ—раздаватель золота). Но если населеніе пользуется здѣсь привольемъ и удобствомъ относительно воздѣлыванія полей, то нельзя сказать того же самаго относительно путей сообщенія. Путешественнику приходится ѣхать по глинисто-солонцеватому грунту, то и дѣло перерѣзанному мелкими и глубокими канавами, чрезъ которыя проложены такіе мостики, смотрѣть на которые страшно. Эти мостики зачастую обѣзжаются самими жителями, уже достаточно къ нимъ привыкшими. Сверхъ того, въ сухое время пыль, а въ дождливое невылазная грязь увеличиваютъ достоинство описываемаго пути.

Подѣзжая къ Самарканду, еще издали, версты за 20, видишь Чепан-атинскія высоты, лежащія въ семи верстахъ передъ Самаркандомъ и совершенно его укрывающія. На эти-то высоты бухарцы надѣялись, какъ на непреодолимый оплотъ движенію русскихъ. Высоты съ фронта подмыты Заръавшаномъ и совершенно неприступны. Сверхъ того, въ извѣстныя времена года Заръавшанъ разливается и покрываетъ всю громаднѣйшую эспланаду, версты 1½, въ квадратѣ, лежащую передъ высотами. Въ европейскихъ войнахъ подобная позиція была бы плоха тѣмъ, что наступающій ни за что не рѣшился бы атаковать ее, а предпочелъ бы обойти. Во время наступленія русскихъ Заръавшанъ былъ въ разлитіи, и бухарцы, сами не знавшіе бродовъ, были совершенно увѣрены въ неприступности своей позиціи. Они рассчитывали, что, пока русскіе будутъ искать бродовъ, они успеютъ перебить ихъ своею артилеріею. Однакожь, артилерія бухарцовъ не оправдала ихъ ожиданій и дѣйствовала, какъ нельзя хуже, не нанося намъ почти никакого вреда.

Русскія войска, по грудь въ водѣ, быстро прошли эспланаду и устремились на правый флангъ непріятельской позиціи. Бухарцы, никакъ не ожидавшіе подобнаго исхода дѣла, пришли въ панической ужасъ, побросали артилерію, которую и нельзя было увезти съ высотъ, и совершенно разсѣялись.

Переправясь въ бродъ черезъ нѣсколько

рукавовъ Заръавшана, я поднялся на предгорія Чепан-атинскихъ высотъ. Поровнявшись съ садами, прилегающими къ Самарканду, я внезапно увидѣлъ огромную толпу всадниковъ, во весь опоръ скакавшихъ на меня. Я быстро схватился за револьверъ, а конвойные изготовили винтовки, намѣреваясь отражать нападеніе. Дѣло, однако, вскорѣ объяснилось. Скакавшая толпа забавлялась игрою въ кок-бари, столь распространенною въ Средней Азіи. Эта игра состоитъ въ томъ, что къ кому-нибудь собираются на праздникъ человекъ до сотни верховыхъ, и, выпросивъ у хозяина праздника козленка, или барашка, перерѣзываютъ ему горло и отдаютъ въ руки какому-нибудь лихому наѣзднику. Всѣ отправляются въ поле. Наѣздникъ скачетъ во всю конскую прыть, а прочіе гонятся за нимъ, стараясь настичъ и вырвать изъ его рукъ зарѣзанное животное. Козленокъ рвется на куски, и забава продолжается до тѣхъ поръ пока нѣсколько человекъ не будетъ искалѣчено, или же просто истоптано. Такъ какъ Самаркандъ лежитъ на южномъ склонѣ Чепан-атинскихъ высотъ, то онъ открывается взору только тогда уже, когда вы въѣзжаете, или, правильнѣе, начинаете спускаться въ него. Васъ сразу обдаетъ сѣдою древностью, вѣющею съ высотъ могучихъ, исполинскихъ памятниковъ, своею оригинальностью приковывающихъ ваше вниманіе и свидѣтельствующихъ о совершенно иной, невѣдомой Европѣ, цивилизаціи. Нѣмныя гиганты, стоятъ они въ грозномъ величїи, напоминая о давно минувшей славѣ народа, воздвигавшаго ихъ. Передъ вами возстаетъ маленькая, монгольская фигурка желѣзнаго хромца, неугомоннаго, неутомимаго, незнавшаго покоя и преградъ для своей дѣятельности. Геніальный вождь, онъ, не менѣе того, былъ искусенъ и какъ администраторъ. Украшая и создавая города, онъ устраивалъ подвластные ему народы, пролагалъ дороги, какихъ въ Европѣ долго еще послѣ не было, заботился о просвѣщенїи. Рядомъ съ нимъ невольно вспоминается и другой образъ султана Бабера, своими познаніями сдѣлавшаго бы честь любому европейскому обществу. Вспоминается и знаменитая самаркандская обсерваторія и рядъ славныхъ тружениковъ, всецѣло отдававшихся наукѣ. И куда все это дѣвалось? Куда стигнулъ народъ, проявившій такую исполинскую мощь? Что подкосило его крылья? и какой спасительный урокъ оставилъ онъ грядущимъ поколѣніямъ?...

Контрастъ между старымъ, историческимъ, Самаркандомъ и новымъ, современнымъ, по-

разителенъ въ высшей степени. На сколько внушаютъ уваженія памятники старины, на столько поражаетъ своею мизерностью лежащій у подножія ихъ новый городъ. Это такія же груды глины и грязи, какъ и вообще всѣ среднеазіатскіе города. Хотя теперь Самаркандъ отстроился за-ново, и лавочки приняли гораздо болѣе опрятный видъ, однако, улицы, всетаки, узки, и грязь на нихъ въ дождливое время такая же, какъ и прежде. Несмотря на жалкій внѣшній видъ, торговля Самарканда, при всемъ томъ, весьма значительна. Большинство предметовъ торговли составляютъ русскіе товары: самовары, сахаръ, отчасти чай, чашки, сундуки, шерстяныя матерїи, сукна, парча, кисея, чугуны и желѣзные издѣлія. Изъ туземныхъ предметовъ отличаются своею доброкачественностью и дешевизною: кожи (шагрень), ножи (и Гузара и Каршей), затѣйливо изукрашенные сѣдла, извѣстныя во всѣхъ средне-азіатскихъ городахъ подъ именемъ самаркандскихъ, ковры (изъ Каршей и Бухары), лучшія шолковыя матерїи (изъ Бухары), знаменитыя каракульскія мерлушки (по 2¹/₂ рубля за штуку), хлопъ, шолкъ въ ниткахъ и сырецъ, бязь, халаты, одѣяла, кожи, затѣйливо вышитыя шелками, равно какъ и сукна, и пр. и пр. Заслуживаетъ также вниманія продаваемая во всѣхъ лавочкахъ превосходная *розовая соль*. Изъ англійскихъ товаровъ въ большомъ количествѣ *кисей*, весьма дешевыя и идущія на чалмы.

Въ Самаркандѣ считается до 30,000 жителей. Городъ обнесенъ стѣною и имѣетъ шесть воротъ. Весьма обширная цитадель имѣетъ 2¹/₂ версты въ окружности; передъ цитаделью расчищена русскими эспланада. Цитадель представляетъ фигуру весьма неправильнаго пятиугольника; будучи исправлена русскими, она можетъ считаться неприступною: высота ея стѣнъ достигаетъ шести сажень. Внутри цитадели помѣщались всѣ важнѣйшія постройки бухарцовъ, въ настоящее время заняты и приспособлены русскими: ханскій дворецъ обращенъ въ лазаретъ, мечети передѣланы въ цейхгаузы, дворцы бековъ—въ управленія, дома другихъ бухарскихъ властей—въ квартиры офицеровъ и т. д.

Найдя все готовое, русское населеніе весьма скоро устроилось, такъ что трудно желать лучшаго. Устроился даже клубъ. Русская торговля закипаетъ: при мнѣ существовало уже семь русскихъ лавокъ.

Л. Костенко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПОВЗДКА ВЪ САМАРКАНДЪ.

(Окончаніе *).

Достопримѣчательности города: цитадель, кок-таш-тронъ Тамерлана, гробница Тимура коранъ, будто бы писанный рукою кнѣзя Османа, медресе, лѣтній дворецъ Тимура. — Ханакъ (монастырь). — Святые отцы (аулие, ишаны). — Поступленіе въ святые. — Дуванны (юродивые). — Вліяніе религіознаго фанатизма на народъ. — Различныя племена, населяющія Самаркандъ; типъ, одежда и характеристика ихъ: евреи, индусы, афганцы, персіяне, узбеки, таджики. — Антигонизмъ племенъ. — Къ чему пришелъ Самаркандъ путемъ религіознаго фанатизма. — Общее впечатлѣніе, производимое Самаркандомъ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ цитадели помѣщеніе для лазарета въ бывшемъ эмировомъ дворцѣ, называемомъ кок-ташъ. Названіе дворца произошло отъ зеленоватаго камня, служившаго трономъ Тамерлану. Этотъ камень, имѣющій шесть шаговъ длины, три шага ширины и пол-роста человѣческаго высоты, замѣчательно правильно обтесанный изъ цѣльнаго куска мрамора и испещренный по бокамъ прекрасною рѣзбою, составляетъ въ цитадели единственный памятникъ, оставшійся отъ древности. Преданіе относитъ время сооруженія его за 700 лѣтъ до Тимура. Камень этотъ почитается, какъ святыня, и правовѣрные, подходя къ нему, прикасаются руками и, затѣмъ, священнымъ прахомъ, приставшимъ къ пальцамъ, натираютъ себѣ лицо и бороду. Эмиры только тогда считались дѣйствительно утвержденными въ своемъ званіи, когда сидѣли на немъ. Обрядъ возсѣданія начинался тѣмъ, что новопоставляемый эмиръ сперва садился на бѣлую кошму (войлокъ), придворные поднимали его съ кошмою и помѣщали на камень. На этомъ камнѣ, съ краю сдѣланы два маленькія углубленія, куда новопоставляемый эмиръ насыпалъ червонцы и оттуда раздавалъ царедворцамъ. Послѣ этого не могло уже быть никакого сомнѣнія въ законности его правъ. Кок-ташъ стоитъ въ галерей, окружающей съ трехъ сторонъ четырехугольный, хорошо вымощенный дворъ. За камнемъ въ стѣнѣ сдѣлана ниша, съ правой стороны которой вдѣланъ въ стѣнѣ небольшой чорный камень **). На камнѣ есть

*) См. № 84-й «Голоса».

**) У Вамбери сказано: овалный кусокъ желѣза. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что описанія Вамбери грѣшатъ во многомъ. Встрѣчаются даже безсмыслицы въ родѣ слѣдующихъ: «Аркъ (цитадель—пріемная зала Тимура). Входъ въ цитадели довольно крутъ; она раздѣляется на двѣ части: одна состояла изъ частныхъ квартиръ, а другая служила только для пріемовъ эмира» (стр. 105). Здѣсь понятія о цитадели и о дворцѣ смѣшаны. Говоря о крутизнѣ подъема (который, впрочемъ, не крутъ), можно думать, что рѣчь идетъ о цитаде-

надписъ на древне-арабскомъ языкѣ, весьма меня интересовавшая. Муллы и граматѣи отказывались прочесть ее и совѣтовали обратиться къ казы. Я пригласилъ казы-кеяна (верховный судья), который, послѣ часового усилія, разъяснилъ, что этотъ камень взятъ съ гробницы и надпись означаетъ слѣдующее: «Шейх-уль-исламъ Зобит-ходжа. Пошли ему Господи царствіе небесное, отцу и матери его и всѣмъ правовѣрнымъ; годъ 735» (т. е. по нашему численію 1318). Но я сильно подозреваю, и даже увѣренъ, что велемудрый судья сочинилъ свою надпись, чтобы скрыть собственное невѣжество.

Въ городѣ всѣ памятники старины исключительно духовные, т. е. мечети и медресе, что прямо указываетъ на теократическій характеръ цивилизаціи. Мечети имѣютъ, большею частью, удлиненный куполъ, въ видѣ дыни, усѣченной снизу и поставленной на болѣе или менѣе высокомъ зданіи. Мечеть съ могилой Тимура можетъ служить прототипомъ такой архитектуры. По сторонамъ этой мечети высятся двѣ колонны, въ родѣ коринтскаго ордена, блистающія свѣжестью и красотою рисунка своей эмали. Внутренность мечети состоитъ изъ

и, а изъ описанія комнатъ полагать надо, что трактуется о дворцѣ. Вамбери увѣряетъ, что онъ первый проѣхалъ по Средней Азіи (стр. 109), забывая, что до него весьма многіе, не говоря о русскихъ, но даже западно-европейцы проѣхали гораздо большее пространство. Вѣроятно, только на этомъ основаніи Вамбери и позволяетъ себѣ рассказывать вещи небывалыя. Въ началѣ своего сочиненія, говоря о туркменахъ, онъ чуть ли не на каждой страницѣ описываетъ звонъ желѣзныхъ цѣпей, которыми туркмены обременяютъ своихъ невольниковъ. Туркменскія степи намъ хорошо извѣстны, и также хорошо извѣстно, что у туркменъ нѣтъ не только желѣза, но даже въ деревѣ они ощущаютъ недостатокъ, а если и скручиваютъ невольниковъ, то развѣ веревками изъ шерсти. Въ описаніи Самарканда, не упоминая о неточностяхъ, цѣлѣя сцены, по всей вѣроятности, вымышленны; на примѣръ, описаніе аудіенціи у эмира (стр. 110), гдѣ повѣствуется, какъ авторъ, безъ всякихъ обиняковъ, прямо сѣлъ рядомъ съ его высочествомъ, и «разучась краснѣть», началъ говорить ему комплименты. Едва ли бы его высочество эмиръ бухарскій позволилъ кому бы то ни было подобную выходку, посягающую на его священныя права: всѣ мусульмане обязаны падать ницъ передъ владыкою правовѣрныхъ и стараться даже не смотрѣть въ лицо монарху, чтобы не ослѣпнуть отъ блеска и святости его очей. Невольно припоминается собственная же фраза Вамбери: «я успѣхомъ своимъ былъ единственно обязанъ гибкости своего языка, въ самомъ дѣлѣ крайне безстыднаго» (стр. 111), фраза, которую можно было бы помѣстить въ эпиграфъ его сочиненія. Нелишнимъ будетъ также упомя-

мрачныхъ
лой, весь
стѣны кот
новатымъ
ми и испе
редина ко
три котор
трѣ—Тиму
ства. Гроб
длины, ок
немного б
темнозеле
имѣеть дл
мулла, на
не могъ;
надписи о
выхъ слов
Миръ Кел
ходится еп
мирзы Ми
зеленаго м
нецъ, за
Сенда-Ома
наты, по
ся въ мра
но летучи

нуть, что
нѣсколько
сказать, ч
въ Средней
было въ Е
не идетъ о
Путешеств
и пескамъ
опаснѣе, ч
и даже хра
менскія сте
кочевники
присмирѣ
опасности
то это про
ренности и
сились къ
1841 году,
ханскихъ в
рилъ съ са
тотъ, что
него, долж
левскаго.
жизнью, вс
шательства
ропейскія
къ нимъ
въ 1866-мъ
Коканскому
одинъ проѣ
Балхъ, Ба
извѣданнос
новенія ту
кательности
всякаго ко
родѣ недос

весьма высокой, сводчатой комнаты, стены которой до половины выложены зеленоватым мрамором, изукрашены арабесками и испещрены надписями изъ корана. Середина комнаты загорожена рѣшеткою, внутри которой расположены гробницы: въ центрѣ—Тимура, а вокруг—членовъ его семейства. Гробница Тимура имѣетъ около 2 $\frac{1}{2}$ арш. длины, около половины аршина ширины и немного болѣе высоты, гладко высѣчена изъ темнозеленаго (почти чорнаго) мрамора и имѣетъ длинную арабскую надпись, которую мулла, находящійся при мечети, разобрать не могъ; все его искусство въ чтеніи этой надписи ограничилось только разборомъ первыхъ словъ: «эмиръ Тимуръ Кураганъ, сынъ Миръ Келяна». Рядомъ съ этою гробницею находится еще такая же гробница сына тимурова, мирзы Мирагама; затѣмъ, три гробницы изъ зеленаго мрамора и двѣ алебастровыя; наконецъ, за рѣшеткой, въ нишѣ, еще гробница Сеида-Омара, учителя тимурова. Изъ этой комнаты, по узкой и крутой лѣстницѣ, спускаются въ мрачное подземелье, которое наполнено летучими мышами и въ которомъ гробницы

нужно, что опасности путешествія по Средней Азій нѣсколько преувеличены Вамбери. Смѣло можно сказать, что относительно воровства и грабежа въ Средней Азій безопасно, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ—разумѣется, если только рѣчь не идетъ о туземныхъ властяхъ и чиновникахъ. Путешествовать по самымъ безлюднымъ степямъ и пескамъ Бухары, Хивы и Кокана гораздо безопаснѣе, чѣмъ по самымъ многолюднымъ улицамъ, и даже храмамъ Рима, Лондона и Парижа. Туркменскія степи составляютъ исключеніе; но и здѣсь кочевники въ послѣднее десятилѣтіе значительно присмирѣли, вслѣдствіе вліянія русскихъ. Если опасности и угрожали нѣкоторымъ европейцамъ, то это происходило отъ излишней ихъ самоувѣренности и пренебреженія, съ какимъ они относились къ *варварамъ*. Капитанъ Никифоровъ, въ 1841 году, въ Хивѣ билъ и выталкивалъ въ шею ханскихъ вельможъ и чрезвычайно дерзко говорилъ съ самимъ ханомъ. Результатъ былъ только тотъ, что посольство его не удалось, и, вмѣсто него, должны были послать подполковника Данилевскаго. Конноли и Стоддартъ заплатились жизнью, вслѣдствіе политическихъ интригъ и вмѣшательства въ дѣла управленія, за что и европейскія государства едва ли бы отнеслись въ нимъ снисходительно. Купецъ Хлудовъ еще въ 1866-мъ году разѣзжалъ совершенно одинъ по Коканскому Ханству и теперь собирается также одинъ проѣхать въ Туркменію, въ Мервъ, Кундузъ, Балхъ, Бадахшанъ и проч. Главная причина неизвѣданности Средней Азій и нечастаго проникновенія туда европейцевъ состоитъ въ непривлекательности среднеазиатской жизни и отсутствіи всякаго комфорта, все равно, какъ въ своемъ родѣ недоступны тундры самоѣдовъ и тунгусовъ.

тѣмъ же самымъ личностей расположены въ такой же порядкѣ, какъ и наверху. Наконецъ, подъ этимъ склепомъ устроенъ, по увѣренію муллы, еще склепъ, въ которомъ находятся самыя могилы Тимура и его близкихъ; но туда уже никого не впускаютъ. Я, къ сожалѣнію, не могъ повѣрить справедливости словъ муллы осмотромъ хотя входа во второе подземелье, потому что торопился выбраться поскорѣе изъ перваго.

Осматривая эту мечеть, я припомнилъ свидѣтельство Вамбери о томъ, что въ подземельи хранится фоліантъ корана, написанный собственноручно третьимъ калифомъ, Османомъ (котораго Вамбери ошибочно называлъ вторымъ). Никакого корана тамъ нѣтъ и не могло быть, потому что мусульмане, при всей своей несообразительности, всегда догадались бы, что для летучихъ мышей драгоцѣннаго фоліанта класть не слѣдуетъ. По моимъ разспросамъ, оказалось, что древній фоліантъ (писанный не на кожахъ газелей, какъ повѣствуетъ Вамбери, а на простой, кажется, рисовой, бумагѣ) хранится въ грязной медресе Огъ (акъ—бѣлый) въ особой комнаткѣ, въ ларцѣ, подъ замкомъ и печатью. Ларецъ, однако, былъ разломанъ, такъ что мулла свободно досталъ оттуда экземпляръ корана и не одинъ, а два. Одинъ, по объясненію муллы, писанъ, будто бы, Османомъ, другой—его *ученикомъ*; первый оказался безъ палатурокъ, которые были сорваны русскими во время баранты, и хотя представляетъ довольно увѣсистую тетрадь, но неполонъ, не имѣя ни начала, ни конца. Онъ писанъ только по одной сторонѣ, и въ срединѣ сильно замѣтны слѣды крови; мулла сообщилъ, что Османъ былъ зарѣзанъ въ то время, когда сидѣлъ надъ книгою. Подлинность корана весьма вѣроятна, потому что сказанія муллы нисколько не противорѣчатъ исторіи *).

Самую красивую часть города составляетъ небольшая, квадратная площадь, образуемая тремя старинными медресе, своими фронтонами обращенными во внутрь площади, и рядомъ лавокъ. Медресе состоятъ изъ четырехугольных (квадратныхъ) зданій, съ такими же двориками внутри, вымощенными кирпичомъ. По сторонамъ весьма пестро эмалированныхъ (глазурью) фронтоновъ, возведены также эмалированныя колонны, на половину разрушенныя. Средняя медресе, расположенная на сѣверѣ, называется *тиликаръ*, золотая (отъ тилля—червонецъ), вслѣдствіе того, что въ мечети, находящейся во дворѣ, есть на передней стѣнѣ нѣсколько позолоченныхъ (бумажныхъ) полосокъ. Впрочемъ, независимо отъ скудости золота, внутренность этой

*) Бумагу, на которой написанъ коранъ, отличающуюся особенностями, неизвѣстными Европѣ, также можно, безъ большой погрѣшности, отнести къ VII вѣку.

мечети. шенной. весьма. нѣтъ, и. ходивш. медресе. щая на. перендо. ствіе. двухъ. располо. Улуг-бе. ромъ, Улуг-бе. и помѣ. *сервати*. и слѣдо. Къ с. ротъ. сказан. нья ра. женою. жость. теперь. къ раз. За го. ходите. памяти. мура, Тутъ ж. *Шах-З*. честь. Аббаса. хамеду. по *кир*. нымъ. деревъ. вступа. и мрач. дить в. изящно. рой по. муллы. слушат. ную од. селая (*общилъ*. тутъ ж. шотков. въ дру. Поср. два стр. изъ Ме. запрещ. ливые. этой м. же на. борана. ра Нас. заффар. Вниз. дится. *ли или*.

ожены въ
ху. Нако-
роенъ, по
которомъ
ра и его
пускаютъ.
ить спра-
отъ входа
торопился
инилъ сви-
въ подзе-
писанный
мъ, Осма-
назвалъ
нѣтъ и не
, при всей
гогадалься
гоцѣннаго
оимъ раз-
фоліантъ
какъ по-
ѣ, кажетъ
грязной
й комнат-
тью. Ла-
что мул-
ляръ ко-
объясне-
омъ, дру-
безъ па-
русскими
яетъ до-
лонъ, не
анъ толь-
ѣ сильно
илъ, что
я, когда
корана
ія муллы
и *).

ставляетъ
образуе-
ими фрон-
ющади, и
изъ четы-
съ таки-
ыми кир-
о эмаль-
возведены
половину
положен-
ръ, золо-
віе того,
ръ, есть
оченныхъ
незави-
ость этой
анъ, отли-
Европѣ,
и, отнести

мечети, выложенной мраморомъ и изукра-
шенной арабесками, эмалью и рѣзною работою.
весьма замѣчательна. «Такой мечети нигдѣ
нѣтъ, кромѣ Самарканда», замѣтилъ мнѣ на-
ходившійся тутъ же мулла. Остальные двѣ
медресе уже значительно разрушены. Стоя-
щая на *востоки*, называется ширьдаръ (по-
персидски) и ильбарсъ (поузбекски) вслѣд-
ствіе мозаичнаго изображенія надъ входомъ
двухъ животныхъ, похожихъ на тигровъ, а
расположенная на *западъ* называется Мирза
Улуг-беги. Эта послѣдняя построена Тиму-
ромъ, внукомъ знаменитаго Тимура для
Улуг-беги, извѣстнаго астронома. Здѣсь-то
и помѣщалась знаменитая самаркандская об-
серваторія, отъ которой теперь не осталось
и слѣдовъ.

Къ сѣверу отъ этихъ медресе, вблизи во-
ротъ Шах-Зинда (а не бухарскихъ, какъ
сказано у Вамбери), находятся величествен-
ныя развалины медресе Ханымъ, построенной
женою Тимура, китайскою принцесою. Свѣ-
жестъ разноцвѣтной изразцовой мозаики и
теперь поражаетъ глазъ издали; но подходить
къ развалинамъ близко весьма опасно.

За городомъ, на обширномъ кладбищѣ, на-
ходится еще одинъ, весьма замѣчательный
памятникъ — бывший лѣтній дворецъ Ти-
мура, теперь полуразрушенный и пустой.
Тутъ же вмѣстѣ находится и мечеть *Хазрети*
Шах-Зинда, построенная Тамерланомъ въ
честь названнаго святого, сына Хазрети
Аббаса, бывшаго двоюроднымъ братомъ Мо-
хамеду. Въ мечеть нужно подыматься высоко
по *кирпичнымъ* ступенькамъ и идти кирпич-
нымъ же открытымъ коридоромъ, усаженнымъ
деревьями. Затѣмъ, свернувъ направо, вы
вступаете въ зданіе и идете сперва узкимъ
и мрачнымъ коридоромъ, который и приво-
дитъ въ небольшую, темноватую, но довольно
изящно устроенную комнату, посреди кото-
рой повѣшено русское паникадило. Здѣсь
муллы пригласили меня сѣсть на коврѣ и вы-
слушать молитву, благоговѣнно произнесен-
ную однимъ изъ нихъ, послѣ чего попросили
селау (пожертвованіе). «Святой просить», со-
общилъ мулла. Гробница святого находится
тутъ же, въ смежной комнатѣ, за рѣзною рѣ-
шоткою. Изъ этой комнаты я былъ введенъ
въ другую, гораздо бѣлѣе и свѣтлѣе.

Посреди также виситъ паникадило и еще
два страусовыя яйца, принесенныя ходжами
изъ Мекки. На стѣнахъ, вмѣсто живописи,
запрещенной кораномъ, развѣшены незатѣ-
ливые рисунки, изображающіе виды Мекки. Въ
этой молитвенной комнатѣ обращаетъ такъ
же на себя вниманіе громаднѣйшій фоліантъ
корана, сдѣланный по заказу покойнаго эми-
ра Наср-Уллы, отца теперешняго эмира, Му-
заффаръ-Эддина.

Внизу лѣстницы, по сторонамъ ея, нахо-
дятся *ханака* (монастырь), гдѣ живутъ *шей-
хи* или *аулие*, а попросту ишаны, т. е. святые.

При уходѣ моемъ, эти святые осадили меня
просьбами о томъ, не могу ли я исходатай-
ствовать имъ жалованье, объяснивъ, что, во
время управленія эмира, они получали боль-
шое содержаніе отъ казны, теперь же при-
нуждены довольствоваться исключительно од-
ними пожертвованіями. Надо замѣтить, что
монастырь этотъ пользуется большою извѣст-
ностью въ мусульманскомъ мірѣ, и правовѣр-
ные стекаются сюда на богомолье изъ самыхъ
отдаленныхъ концовъ Средней Азіи, неся по-
сильныя лепты благочестивымъ отцамъ, рев-
ностно служащимъ Богу, въ чомъ я лично
могъ удостовѣриться. На другой день, про-
ѣзжая мимо этого монастыря, я еще издали
былъ пораженъ неистовымъ ревомъ (подоб-
нымъ рычанію дикихъ звѣрей), исходившимъ
изъ монастыря. Огромная толпа евреевъ со-
бралась на улицѣ, ради любопытства; подъ
прикрытіемъ конвоя, я заглянулъ во внутрь
и увидѣлъ человѣкъ до тридцати святыхъ,
съ закрытыми глазами, стоявшихъ кружкомъ
на коленяхъ, дравшихъ, не щадя, свою глот-
ку и бѣшено подпрыгивавшихъ кверху. По-
добныя благочестивыя упражненія продол-
жаются до тѣхъ поръ, пока отцы не дойдутъ
до совершеннаго изнеможенія и безчувствія.

Классъ монашествующихъ въ здѣшнемъ
краѣ весьма распространенъ и пользуется
завиднымъ для массы благосостояніемъ; со-
ставляя привилегированную касту (впрочемъ,
единственную), монашествующіе обставили
себя многочисленными суевѣрными формаль-
ностями, для того, чтобы удобнѣе эксплуати-
ровать толпу. Поступленіе въ этотъ орденъ
сопровождается безчисленнымъ множествомъ
самыхъ нелѣпыхъ обрядовъ и формально-
стей. Но и по принятіи, неофитъ еще долго
остается на воспитаніи, пока не получитъ
патента (*хати-рухсать*) на дѣйствительнаго
ишана и на право посвящать другихъ. Вос-
питаніе состоитъ въ постепенномъ изощреніи
пяти способовъ произносить имя Аллаха, а
именно: первый способъ состоитъ въ томъ,
чтобъ, закрывъ глаза, обратить ихъ на серд-
це, которымъ и произнести слово «алла»; вто-
рой — состоитъ въ обращеніи глазъ на часть
груди подъ ложечкой и въ частомъ повторе-
ніи тамъ того же слова; третій — внутрен-
нее воззрѣніе на печень, и четвертый — на
верхнюю поверхность мозга и также въ ча-
стомъ повтореніи имени «алла», наконецъ,
пятый, труднѣйшій, состоитъ въ возможно ча-
стомъ и невозможномъ быстромъ произноше-
ніи словъ: *ла илляхи иль-алла* — всѣми выше-
названными частями тѣла, притомъ, такъ,
чтобъ слово: *ла* произносилось сердцемъ, а
мозгъ уже заканчивалъ слово *алла*. За-
тѣмъ, новообращенный долженъ выдержать
искусъ чтеніемъ въ извѣстныя часы ночи и
дня многочисленныхъ молитвъ съ ракіатомъ
(колѣнопреклоненіемъ), и, наконецъ, въ за-
ключеніе долженъ доказать свою святость ис-

цѣленіемъ больного, или совершеніемъ другого какого-нибудь чуда; послѣ чего уже дается ему вождѣльный дипломъ.

Кромѣ ишановъ, пользующихся большимъ почетомъ въ народѣ, подъ вліяніемъ которыхъ находятся сами правители ханствъ, существуетъ еще одинъ классъ духовенства, менѣе и даже вовсе неполюющійся уваженіемъ, хотя тоже боговдохновенный. Это *дубанмы*, нѣчто въ родѣ нашихъ юродивыхъ. Одѣтые въ рубище, поверхъ котораго, для большаго эффекта, иногда накидывается барсовая кожа, въ конической шапкѣ, перевитой лентами, съ огромной выточенной и заостренной дубиной съ ремнемъ, придѣланнымъ къ ней, съ тѣввой, привязанной у пояса, ходятъ они по базарамъ, распѣвая духовныя пѣсни, юродствуя и выпрашивая милостыню. Живутъ они отдѣльными братствами подъ начальствомъ старшаго и пребываютъ въ совершенномъ бездѣйствіи; сидя дома, курятъ хашинъ до опьяненія, послѣ чего кричатъ до обморока.

✓ Если въ Западной Европѣ клерикальное вліяніе угнетаетъ общество и тормозитъ его развитіе, то здѣсь страшно и помыслить о томъ, до какихъ размѣровъ доходитъ вліяніе религіознаго фанатизма. Теоократія убиваетъ здѣсь въ самомъ зародышѣ всякую попытку на автономію мысли; она оковываетъ человѣка съ головы до ногъ, регулируя каждый его шагъ, каждое его слово. Она, какъ предательскій шпіонъ, преслѣдуетъ его вездѣ: дома въ семействѣ, въ гостяхъ, на площади, въ школѣ, въ мечети. Результатъ одинъ—общество какъ бы застыло въ своемъ развитіи, окаменѣло. Монотонность, сонливость, однообразіе жизни потрясающее; загнанность, робость, забитость личности сквозитъ повсюду. Религіозный фанатизмъ въ политикѣ привелъ къ тупому презрѣнію всего, что только не исповѣдуетъ ислама. Наблюдать самаркандское населеніе, въ этомъ случаѣ, поучительно въ высшей степени; элементы, изъ которыхъ оно составлено, весьма различны по происхожденію и по взаимнымъ симпатіямъ. Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе сыны Израиля по той радости и привѣтливости, съ какими встрѣчаютъ они русскихъ: въ нихъ они видятъ своихъ избавителей отъ тѣхъ невыносимыхъ оскорбленій и жестокостей, какія они испытывали прежде. Въ Самаркандѣ (такъ же, какъ и въ Бухарѣ, въ Каршахъ и въ Катты-Курганѣ) они занимаютъ особый кварталъ, изъ котораго выселяться не могутъ. Затѣмъ, они пользовались почти совершенною безправностью *). Правовѣрные могли ихъ бить почти безнаказанно,

*) Какъ это существовало и въ Ташкентѣ, и какъ это существуетъ до сихъ поръ во всѣхъ независимыхъ среднеазіатскихъ городахъ.

но, и даже убивать, но только за городомъ. Являясь къ правовѣрному, еврей долженъ былъ стоять у порога, и если правовѣрный приходилъ въ домъ къ еврею, то еврей долженъ былъ уходить къ порогу. Въ Бухарѣ и теперь еще глава еврейской общины, принося подати, получаетъ взаменъ двѣ пощичины, по предписанію корана. Въ городѣ евреи не имѣли права ѣздить ни на лошади, ни не ишакѣ, несмотря ни на какую грязь. Халаты они могутъ носить только бумажные и опоясываться только веревкою и, притомъ, непременно, чтобъ правовѣрные видѣли это отличіе. Хотя еврей, такъ же, какъ и мусульмане, брѣютъ себѣ головы, оставляя только космы на вискахъ (пейсы), но носить чалму строго запрещено; вмѣсто нея, они употребляютъ суконныя коническія шапки, опушонныя снизу мѣхомъ пальца въ два шириною. Въ виду подобныхъ вопіющихъ притѣсненій понятно, насколько евреи должны были радоваться занятію Самарканда русскими. Когда Самаркандъ былъ блокируемъ, евреи, за сочувствіе къ русскимъ, также были заперты въ своемъ кварталѣ, откуда не смѣли показывать носа, и когда блокада была снята, восторгъ евреевъ былъ неописанный: они плакали отъ радости, бросались на шею къ своимъ избавителямъ, цаловали стремяна верховыхъ.

Индійцы, выходцы съ Инда, Ганга, Брахманутры и проч., поклонники Вишну, а чаще огня и солища, живутъ здѣсь также особнякомъ, подворьями. Здѣсь они играютъ такую же роль, какъ, на примѣръ, евреи въ нашемъ Западномъ Краѣ. Будучи преслѣдуемы и презираемы, они, тѣмъ не менѣе, приобрѣли себѣ вѣсь съ помощью капитала, заправляя всѣми денежными оборотами края. Индусы рѣзко выдѣляются своимъ типомъ и наружностью. У нихъ черные, какъ смоль, волосы, смуглый цвѣтъ лица, черные блестящіе глаза, горбатый носъ, длинное лицо, ростъ небольшой. Волосы брѣютъ только на лбу, а на темени заплетаютъ косу; впрочемъ, изъ-подъ шапки, подобной еврейской, волосы падаютъ прядями почти до плечъ. На лбу и ушахъ они носятъ мѣтки изъ яреихъ красокъ: красныхъ, желтыхъ, зеленыхъ и синихъ, смотря по сектѣ, къ какой принадлежитъ субъектъ. Верхняя одежда у нихъ—короткій халатъ до колѣнъ. Индійцы, какъ и евреи, весьма рады прибытію русскихъ и привѣтствуютъ всякаго русскаго офицера.

Афганцы, по своему типу, составляютъ нѣчто среднее между индійцами и персіанами. Вообще они весьма красивы; носятъ длинные волосы, пробривая ихъ на лбу, на затылкѣ, и узенькую дорожку отъ лба къ затылку; носятъ чалму и халатъ; но свободомысліе ихъ доходитъ до того, что, вмѣсто халата, они употребляютъ также и казакинъ до колѣнъ, несмотря на указаніе корана носить верхнюю

одежду, но, сказавъ и ихъ въ лярное ми, они ства, но принужд зываются волю.

Изъ при бух рый, въ ствомъ грозною сторону ихъ отп остаться время, конная же изъ Самаркандъ занимал дѣйство улицъ и изводим принудил выслать селить

Персіан но и он шинство рабство жають хожденіе правовѣ сятъ чашечки ко пріятая боу шись ст по како ціональ вѣтъ: ч ности бы», ск человекъ любовы дана и числомъ смотря персіан сіанъ жества стративъ взятіемъ вершен примет провоз цовъ, кента.

Узбек ствующ

одежду до пяти. Влияние англичанъ, какъ
но, сказывается на нихъ. Афганцы от
и ихъ войско самое лучшее и наиболее
лярное изъ мусульманскихъ. Будучи сунита
ми, они хотя, по корану, и свободны отъ раб
ства, но бухарцы, не стѣняясь, ловятъ ихъ,
принуждаютъ, для соблюденія законности, на
зываются шитами и, затѣмъ, продаютъ въ не
волю.

Изъ подобныхъ плѣнниковъ составленъ былъ
при бухарскомъ эмирѣ цѣлый отрядъ, кото
рый, въ числѣ 250 человекъ, подъ началь
ствомъ Искандер-хана, передъ послѣднею,
грозною для бухарцовъ войною, передался на
сторону русскихъ. По окончаніи войны, часть
ихъ отправлена на родину, а часть пожелала
остаться на службѣ у насъ. Въ настоящее
время, въ Самаркандѣ составлена изъ нихъ
конная сотня, правильно организованная. Тѣ
же изъ афганцовъ, которые находились въ
Самаркандѣ прежде, частью въ неволѣ, частью
занимались аферами, по взятіи города, стали
дѣйствовать по русской пословицѣ: на нашей
улицѣ праздникъ. Грабежи и безчинства, про
изводимые ими надъ узбеками и таджиками,
принудили русское правительство часть ихъ
выслать на родину въ Кабуль, а часть пере
селить въ Ходжентъ и въ Ташкентъ.

Персіанъ гораздо больше, чѣмъ афганцовъ,
но и они играютъ страдательную роль. Боль
шинство ихъ — невольники, проданные въ
рабство турменами. Тѣ же, которые приѣз
жаютъ сюда торговать, скрываютъ свое проис
хождение, подлаживаясь подъ образъ жизни
правовѣрныхъ (сунитовъ); брѣютъ головы, но
сятъ чалмы (а не высокія, островерхія, мерлу
шечьи шапки) и длинныя халаты, такъ что толь
ко пріятное очертаніе лица и черная оклади
стая борода изобличаютъ ихъ расу. Разговорив
шись съ однимъ персіаниномъ, я спросилъ его,
по какой причинѣ онъ измѣнилъ своей на
ціональной одеждѣ, на что получилъ въ от
вѣтъ: чтобъ избѣжать преслѣдованія и опас
ности попасть въ рабство. «Вотъ это все ра
бы», сказалъ онъ, указывая на нѣсколькихъ
человекъ земляковъ, стоявшихъ возлѣ. Я по
любопытствовалъ узнать, за сколько была про
дана ихъ свобода; оказалось, что, среднимъ
числомъ, по 35 тиллей (около 140 рублей). Не
смотря на презрѣніе, питаемое туземцами къ
персіанамъ, превосходство цивилизаціи пер
сіанъ иногда выдвигало ихъ изъ ничто
жества и ставило даже на высокія админи
стративныя ступени. Нѣтъ сомнѣнія, что, со
взятіемъ Самарканда, рабство въ немъ со
вершенно исчезнетъ, и русское начальство
приметъ всѣ мѣры къ освобожденію и пре
провожденію на родину несчастныхъ иран
цовъ, какъ это дѣлалось имъ по взятіи Таш
кента.

Узбеки — самое многочисленное и господ
ствующее племя во всей Средней Азій: они

побѣдители. Самъ эмиръ изъ этого племени,
изъ рода мангытъ. Несмотря на пятивѣко
вое общеніе съ покореннымъ населеніемъ — тад
жиками, узбеки, хотя и видоизмѣнились зна
чительно, но не утратили своей племенной
особенности. Монгольское происхожденіе ска
зывается въ ихъ типѣ по выдавшимся ску
ламъ, толстымъ губамъ, свѣтлымъ (иногда ры
жимъ) волосамъ, а также и въ характерѣ.
Натура ихъ первобытная и грубая, манеры
угловаты; подчасъ они способны даже и на
разбой; зато у нихъ нѣсколько менѣе лукав
ства и нѣсколько больше честности и прямо
ты. Въ религіозномъ отношеніи, они менѣе
фанатичны, и соблюденіемъ формальностей
религіи занимаются только живущіе въ горо
дахъ. Узбеки раздѣляются на нѣсколько пле
менъ (до 32), живущихъ частью осѣдло — въ
городахъ, частью полуосѣдло — въ деревняхъ,
частью кочуя въ переносныхъ кибиткахъ. Въ
Самаркандѣ встрѣчаются, по преимуществу,
роды: китай, кипчаки, найманы и отличают
ся (какъ и всѣ узбеки) по невзыскательности
своего костюма, состоящаго всегда изъ бу
мажнаго халата и чалмы, по преимуществу
окрашиваемой въ красный цвѣтъ. Съ таджи
ками они живутъ въ постоянномъ разладѣ, и
только немногіе знаютъ персидскій языкъ,
такъ же, какъ и грамату.

Таджики суть первоначальные обитатели
страны. Они еще во времена доисториче
скія вышли изъ Ирана, почему слѣды персид
ской крови замѣтны въ нихъ и донинѣ *).

*) Здѣсь у мѣста будетъ сказать о томъ оши
бочномъ представленіи, какое существуетъ отъ
смѣшиванія словъ «таджикъ» и «сартъ». Вамбери
положительно говоритъ, что одно и то же племя на
зывается въ хивинскомъ ханствѣ — сартами, а въ
бухарскомъ и коканскомъ — таджиками. Это мнѣніе,
кажется, пріобрѣло право гражданства. Слово
«сартъ» стало означать названіе племени, и эта спут
анность въ понятіяхъ повлекла къ тому, что и
жителей Ташкента, называющихъ себя сартами,
стали пріурочивать къ иранскому племени. Но это
совершенно ошибочно. Слово «сартъ» первоначально
означало не названіе племени, или народа, а на
званіе рода жизни: человекъ осѣдлый, торгующій,
живущій въ городѣ, назывался сартомъ, и это на
званіе противопоставлялось человеку кочующему, а
также и занимающемуся хлѣбопашествомъ. Сартъ —
это, по нашему, мѣщанинъ, торгошъ, горожанинъ.
Поэтому-то и неудивительно, если ташкентецъ
именуетъ себя сартомъ, несмотря на то, что онъ
можетъ быть узбекомъ, татаринномъ, киргизомъ,
кураминцомъ и пр. Но если спросите ташкентца:
не таджикъ ли онъ? вы получите отвѣтъ отрица
тельный, потому что въ Ташкентѣ таджиковъ
нѣтъ вовсе. Съ другой стороны, ходжентецъ на
вашъ вопросъ, кто онъ, отвѣтитъ, что онъ сартъ
(по роду жизни) и таджикъ (по происхожденію).
Ходжентъ есть самый сѣверный пунктъ, до ко

Отъ
ростъ
черты
глаза.
щего
азіате
ми об
грама
ленія
шоло
видах
шоло
тому
не ви
остро
(тубе
повяз
кона,
вость
саніа
шій
когда
ваютъ
санѣ
они во
лучи
таджи
буйни
бежей
сущес
нихъ
шенны
Изн
стей,
легко
образ
ніе, и
ду на
шая
новны
въ об
наты
было
войну
ность
бы, к
Мус
сколы
ни ра
ныхъ
ство.
возмо
ческа
ложил
цовъ,
торато
почему
узбек
читель
ми и
этихъ

Они персы они унаследовали стройный рост (немного выше среднего), приятные черты лица, близкую кожу, черные волосы и глаза. Подобно персиянам, они отличаются щегольством в одежде и утонченностью азиатского обращения. Будучи представителями образованности в крае, они почти все грамотны и свято исполняют все постановления корана; халаты употребляют полушубковые (чисто шубковые запрещены, в видах уничтожения роскоши); иногда на шубковой подкладке (что позволительно, потому что формальность соблюдена: подкладки не видно). На бритой голове они носят островерхую, шубком расшитую, шапочку (тюбетейку), а поверх них щегольски повязывают, не отступая, впрочем, от закона, белоснежный тюрбан (чалму). Важность в обращении также основана на предписаниях закона и состоит в том, что младший должен молчать и не противоречить, когда говорит старший; равные не перебивают друг друга в разговор. Вышему в сане всегда отдается поклон; в собраниях они всегда усаживаются по старшинству. Будучи народом по преимуществу коммерческим, таджики весьма миролюбивы и уступчивы; буйных наклонностей не проявляют: грабежей, убийств, даже драк между ними не существует. Из преступлений случаются у них разве только воровство, обман, мошенничество, и то весьма редко.

Из сделанного мною обзора национальностей, населяющих Самарканд, читатель легко может усмотреть, во-первых, разнообразие элементов, составляющих население, и, во-вторых, взаимный антагонизм между народностями, ведущий к тому, что большая часть населения должна была желать основных перемен в порядке управления и в общественном устройстве. Отсюда понятна та легкость, с которою совершенно было завоевание Самарканда в последнюю войну, несмотря на такую многочисленность войск бухарских, когда они могли бы, как говорится, закидать нас шапками.

Мусульманство, в настоящее время, несколько не служит скрепляющим звеном ни различных национальностей, ни различных индивидуумов, составляющих общество. Исламизм, хотя и зачерпывает всевозможные проявления деятельности человеческого духа и на все предусмотрительно наложил свою руку, однако, в конце концов, привел свои народы к результатам,

гораздо доходит таджикское население, и понятно, почему ходженец, если только он не знает по-узбекски, не поймет ташкентца. Ташкент исключительно населен узбеками, киргизами, татарами и народностями, происшедшими от смешения этих племен.

прямо противоположным тем, каких он достиг желал. В настоящее время, куда бы мы ни посмотрели, в какую бы часть мусульманского общества ни проникли, везде увидим положение дела, напоминающее конец Римской Империи. В семействах существует разврат, своим безобразием превосходящий всякое вранье; дети возстают на отцов, братья на братьев; народ идет против правительства, правительства против ханов. Просвещение в упадке вопиющем; несмотря на то, что школы весьма распространены и все почти мужское население обучается грамоте, иные даже всю свою жизнь посвящают изысканию мудрости, невежество, все-таки, полнейшее: здесь нет ни ученых, ни образованных в европейском смысле слова; все знание мудрейших ограничивается запоминанием наизусть нескольких сур (глав) из корана, да умением читать и писать поперсидски и арабски. И это потому, что тех славных ученых, которые были некогда руководителями даже Европы (врач-философ Авиценна *); это наследники тех важных астрономических исследований и открытий, какие были сделаны здесь (илеххановские астрономические таблицы); в настоящее время, даже слово «алгебра» чуждо им. Контраст более чем ужасный! Воспитание юношества производится под влиянием подавляющих принципов формалистики и деспотизма: об оригинальности, смелости и самостоятельности не может быть и речи там, где придавленность и гнилость царствуют во всем. Администрация находится в полной гармонии с общим строем жизни: власть исполнительная, судебная, правительственная и духовная сосредоточивается часто в одних и тех же руках, почему произвол и насилие господствуют в полной мере.

В конце концов, общее впечатление, производимое Самаркандом, этим священнейшим городом мусульманским, средоточием и раем мира (по выражению мусульманских поэтов), можно сравнить с зрелищем кладбища. Величественные здания старины выссятся точно памятники над могилами, памятники, на которых время как бы начертало следующую надпись: под камнями сими погребены дела могучего народа, проявлявшего, в течение нескольких веков, замечательную силу и преждевременно скончавшегося.

Нет сомнения, что на этом же месте снова расцветет жизнь, но уже иная, более разумная, чуждая тех ошибок, какие были присущи исламу.

Д. Костенко.

Ташкент, декабрь 1868.

*) В Азии назывался Абу-Гассан-бен-Абдала-ибн-Сина.